

Секция «Философская антропология»
Гендерная асимметрия телесного канона современной культуры
Москвитина Ира Владимировна
Студент (бакалавр)

Волгоградский государственный педагогический университет, Волгоград, Россия
E-mail: sha-man-ka94@mail.ru

Исторические изменения образов мужского и женского тел неразрывно связаны с трансформацией как общего телесного канона, так и конкретных социальных стереотипов маскулинности и феминности. Несмотря на наличие транскультурных инвариантов, эстетика мужского и женского тел и ее критерии существенно зависят от гендерной стратификации и особенностей жизнедеятельности мужчин и женщин, причем разные каноны и образцы маскулинности и феминности не всегда последовательно сменяют друг друга, но часто сосуществуют в пределах одной эпохи или стиля [1]. Чем сложнее культура, тем больше в ней нормативных вариаций, индивидуальных и групповых различий, особенно заметных в повседневной жизни, в процессе реализации норм и регламентов телесной жизни.

Актуальность статьи заключается в попытке зафиксировать и объяснить главные тенденции репрезентации тела и формирования телесного канона, характеризующие современное западное общество.

Методом исследования был определен анализ научной литературы, сравнительный подход и использование методов дедукции и индукции при формулировании выводов. Связующей основой является аксиологический подход, в основе которого лежит представление о ценности, как ядре культуры.

Архаическая культура в изображении мужчин подчеркивает репродуктивные и властные функции, мужчина ассоциируется то с фаллосом, то со своим социальным статусом. Античная Греция идеализирует мужское тело, видя в нем воплощение божественной красоты, и грубый фаллицизм сменяется элегантно-эротикой. Средневековое христианство отрицает античную поэтику телесности, пренебрегая красивым телом, «вместилищем греха», ради одухотворенного лица. Возрождение стремится сочетать обе традиции, утверждая гармонию плоти и духа.

В эпоху классицизма тело снова идеализируется, подчиняясь формальному эстетическому канону красоты. Романтизм впервые начинает исследовать мужскую субъективность, показывая, что мужское тело может быть не только красивым и сильным, но и одухотворенным и чувствительным.

Реализм и натурализм деконструируют идеализированную красоту в пользу естественности. Развитие физической культуры и спорта создает новые возможности телесной самореализации, но мускулистое атлетическое тело легко превращается в военизированное, становясь символом антиинтеллектуализма и фашизма. Вообще буржуазная эпоха во многом изменила систему мужских и женских ценностей. Главными буржуазными добродетелями стали бережливость, скромность, практичность, деловитость и самодисциплина. В отличие от выставляемого напоказ эротического женского тела, мужское же тело функционально. Актуализируется культурная установка на то, что «настоящий мужчина» должен быть грубоватым и сдержанным. Соблазнительность, изящество, стремление нравиться ассоциируются если не с женственностью, то с недостатком мужественности и гомосексуальностью. Считается, что телесная женственность предопределяет психологическую слабость, потому при всех региональных, сословных и иных вариациях с начала XIX и до середины XX века мода старалась сделать мужское тело максимально закрытым, сдержанным, эмоционально невыразительным.

Модернизм и постмодернизм деконструируют телесные каноны мужественности и женственности; благодаря текучести, поливариативности и множественности гендерных идентичностей, мужское тело теперь может быть и не совсем мужским, и не вполне телом. Гомоэротический взгляд и женский взгляд на мужское тело еще больше усиливают эти тенденции. В противовес им снова возникает тоска по «настоящему мужскому телу», реализующаяся не в элитарной, а в массовой культуре, достаточно вспомнить культовую фигуру Джонни Вайсмюллера в роли Тарзана и бесчисленных современных Конанов, Терминаторов, Рэмбо.

Изменения мужского и женского телесного канона, произошедшие в XX веке, были обусловлены изменением взаимоотношений между поколениями. Оппозиционная по отношению к буржуазному обществу молодежная культура заняла господствующее положение на рынке массового потребления, что важно, поскольку с этого момента молодежная мода перестает быть маргинальной. Обнаженные руки, грудь и ноги из спортивных залов постепенно переместились в места массовых молодежных развлечений. Мужская одежда стала более открытой, сексуальной и неформальной, репрезентация полуодетого тела - не новая свобода, а скорее «новый способ капиталовложения, когда контроль осуществляется не столько путем подавления, сколько путем стимулирования: раздевайся, но будь стройным, красивым, загорелым!» [3]. Не случайно тон в этом деле задает реклама. Объективация и эротизация тела в рекламе - массовый процесс. Исследование рекламных проспектов с изображением мужского и женского тела, помещенных в женских журналах «Glamour» и «Cosmopolitan» с 1950г., выявило, что доля рекламных объявлений, демонстрирующих раздетых женщин, составляла около 20% и осталась относительно стабильной. Напротив, процент объявлений, изображающих неодетых мужчин, резко вырос: в 1950 г. их было менее 5%, а в 1990-х гг. - уже 35% [5]. Значительно чаще стали публиковать изображения нагих мужчин и в журналах, рассчитанных на мужчин. Меняется и характер самой рекламы, которая стала более откровенной и сексуальной [2, с. 389].

Еще один результат трансформации телесного гендера - резкое ослабление поляризации мужской и женской одежды (как культурно-символического маркера гендерно-соматических образцов) вплоть до полного отрицания половых различий, появляется и утверждается новый культурный формат гендерного тела - «унисекс». Хотя по сути никакого реального «унисекса» в процессе этой трансформации не возникает. Даже для текучей и изменчивой моды, создаваемые ею образы вовсе не тождественны у мужчин и женщин. Одинаковая по стилю одежда нередко даже подчеркивает половые различия в соответствии с принятыми в данный момент критериями сексуальной привлекательности. Тем более это верно в отношении обнаженного тела. Да и сами каноны маскулинности/феминности остаются множественными, и потому происходит не столько стандартизация телесного канона, сколько его плюрализация, расширяющая диапазон и возможности индивидуального выбора. Новый телесный канон предполагает и другой тип межличностных отношений.

Подводя итоги о гендерной асимметрии телесного канона современной культуры, следует говорить, что происходит деконструирование канонов телесного гендера, наблюдается размытость границ, норм; возникают и утверждаются транссексуальные и гомосексуальные каноны; происходит феминизация мужского тела и маскулинизация женского. «Революция» в отношении обнаженного тела расширяет сферы бытования телесно-гендерного канона, который теперь проникает не только в эстетику, но и в повседневность, экономику (массовое потребление, консюмеризм), идеологию.

Источники и литература

- 1) Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть/Пер. с франц. М.: Добросвет, 2000. С. 185, 216.
- 2) Кон И. Мужское тело в истории культуры. М., 2003. – С. 385.
- 3) Foucault M. Body/Power//C. Gordon, ed. Michel Foucault: Power/Knowledge. Brighton: Harvester, 1980. P. 57.
- 4) McNair B. Striptise, media and the democratization of desire. L.: Routledge, 2002.
- 5) Pope et al. Pope H.G.Jr., Phillips K.A., Olivardia R. The Adonis Complex: The Secret Crisis of Male Body Obsession. NY: Free Press, 2000.

Слова благодарности

Выражаю искреннюю благодарность и признательность научному куратору Шипулиной Наталье Борисовне за помощь в проведении исследований.